

Королевская Гавань

— Всем дежурным! Внимание!

— Через десять минут ожидается массовое поступление пострадавших!

— На Проспекте Токио произошла крупная авария. Двадцать два раненых! Дежурным врачам срочно собраться в приемном покое!

Пронзительный вой сирен разорвал ночную мглу. Даже стена проливного дождя не могла заглушить поднявшийся шум. В Первой объединённой больнице Токио объявили экстренную мобилизацию: весь медицинский персонал, свободный от операций, привели в полную готовность. Медсестры под руководством терапевтов спешно готовили медикаменты и реанимационные наборы. Клиника в мгновение ока превратилась в гудящий улей.

Высоко над этой суетой, на самом краю плоской крыши, застыл странный человек. Полуприсев на парапете, он с холодным любопытством наблюдал за чужими страданиями. Его бледную кожу покрывали грубые хирургические швы — они оплетали тело, словно пугающий узор. Казалось, этого безумца сотворили из лоскутов плоти десятков разных людей, выбрав из мертвецов лишь самое лучшее.

Стена проливного дождя, обрушившаяся на город, огибала его фигуру, словно натыкаясь на невидимый барьер — ни одна капля так и не упала на его плечи.

Незнакомец с разноцветными глазами лениво провожал взглядом сновавших внизу врачей. Где-то вдали завывали приближающиеся реанимобили, расцвечивая мокрый асфальт синими вспышками. Мужчина хищно усмехнулся, обнажив ровные зубы.

— Шоу начинается, — негромко произнес он.

В следующее мгновение его силуэт смазлся и растаял во тьме. Никто не видел, как он пришел, и никто не заметил его исчезновения. Он просто растворился в ночи.

— В животе так горячо... Там черви, они шевелятся!

— Мои волосы... где мои волосы?

— Есть хочу... так кушать хочется...

Двери приемного покоя распахнулись. Внутри хлынул поток носилок. Вой сирен заглушал стоны и крики раненых, которых санитары один за другим вкатывали в коридор.

— Моя рука! Где моя рука?! Доктор, я умираю?! — мужчина в окровавленной куртке мертвой хваткой вцепился в рукав пробежавшей мимо медсестры.

Подоспевший врач силой разжал его пальцы и раздраженно бросил:

— Раз орешь во все горло, значит, точно не помрешь! Не мешай работать!

— Но мне же... А-а-а, больно!

— Помолчи и береги силы!

— Доктор, у этого остановка дыхания!

— Реанимационный набор! Готовьте дефибриллятор!

— Где доктор Куроба?! Срочно его сюда!

— Этого на третью койку!

— Стерильные салфетки заканчиваются, несите еще!

— Где доктор Мэгурэ? Этот пациент на нем!

Юши Оситари, едва завершивший предыдущую многочасовую операцию, замер на пороге, оценивая масштаб катастрофы. На его лице проступила усталость, но взгляд за стеклами очков оставался цепким. Преградив путь спешащей мимо медсестре с подносом стерильных инструментов, он негромко спросил:

— Что здесь происходит? Откуда столько раненых?

— Доктор Оситари! — девушка облегченно выдохнула, заметив его. — На Проспекте Токио из-за ливня столкнулись семнадцать машин. Произошел взрыв. Тринадцать погибших на месте, двадцать два раненых. Всех везут напрямиком к нам.

— Понял. Отдай материалы мне и беги помогать в приемный, — распорядился Юши.

Перехватив тяжелый металлический лоток, он решительно направился в самый эпицентр приемного покоя.

— Дорогу! Пропустите!

— Сквозное ранение грудной клетки, критическая кровопотеря! Обширные термические ожоги шеи и груди! Оскольчатый перелом правой голени! — скороговоркой выпалила медсестра, катя каталку рядом с Юши.

— Где родственники? — на ходу уточнил доктор.

— Связались, уже едут.

Юши бросил быстрый взгляд на пациентку. На каталке металась молодая девочка. Ткань ее блузки намертво спеклась с обгоревшей кожей шеи и груди, превратившись в сплошное кровавое месиво. Лицо, когда-то нежное и красивое, теперь было серым от боли и залитым слезами. Вместо криков из ее горла вырывался лишь тихий, хриплый стон — связки отказали. Она балансировала на грани жизни и смерти.

Проведя экспресс-осмотр, Оситари нахмурился еще сильнее.

— Дыхание поверхностное, нитевидный пульс. Сильный отек гортани из-за вдыхания раскаленного дыма, она задыхается. Внутригрудное кровотечение, тяжелейшая травма ноги. Готовьте первую операционную, немедленно!

Пострадавшую экстренно перевели под бестеневые лампы операционной. Хирургическая бригада работала слаженно и молча, подчиняясь отрывистым командам Оситари. Облаченный в стерильный халат, шапочку и маску, Юши казался бесстрастным автоматом. Лишь за стеклами защитных очков лихорадочно блестели его темные миндалевидные глаза. Обычно в них читался легкий, почти щегольской интерес к жизни, за который его прозвали «Волком Кансая», но сейчас он смотрел более мрачно из-за предельного изнурения.

Это была его восемнадцатая операция за последние трое суток. Самая короткая длилась час, самая тяжелая — десять. За все это время он не съел ни крошки, поддерживая силы лишь раствором глюкозы. И сейчас ему предстояло провести у стола еще несколько мучительных часов.

Борьба за жизнь девушки затянулась на шесть часов. Когда Юши наложил последний шов и завязал узел на нити, крупная капля пота скатилась с его лба под маску, обжигая шею. Только тогда он позволил себе глубокий выдох. Опустив руки, хирург почувствовал, как они мелко дрожат — не от страха или волнения, а от дикого перенапряжения скованных судорогой мышц.

Когда Юши вышел из операционного блока, за окнами уже брезжил блеклый рассвет, но утреннее солнце не принесло больнице покоя. Весь вестибюль был забит пострадавшими и их родственниками.

— Мама, животик больно... Я умираю, да? — плакал раненый малыш, прижимаясь к бледной матери.

Рядом истошно ругалась супружеская пара, и в их криках сквозило ледяное взаимное отчуждение:

— Я, что ли, виноват?! Разве это я заставил ее сбежать из дома?!

— Ты довел ее! Если бы не твои придирки, она бы никогда не ушла ночью под ливень!

Чуть дальше пожилой мужчина сжимал руку спящего сына, монотонно шепча:

— Все хорошо, сынок, папа здесь, папа с тобой...

В другом конце зала дежурный реаниматолог хрипло командовал над чьей-то койкой:

— Остановка дыхания! Разряд!

Детский плач, стоны раненых, крики обезумевших от горя родителей и резкие металлические щелчки медицинских приборов сливались в один оглушительный, сводящий с ума гул. Медсестры безуспешно пытались утихомирить спорящих супругов, но те продолжали кричать, брызгая слюной:

— Если бы ты не пилила ее постоянно, разве Кёка взбунтовалась бы?! Из-за твоей упертости она лишилась ноги! Девочке пришлось ампутировать голень, ты понимаешь?! Ты этого хотела?!

— А я тут при чем?! Ей учиться надо, а не по конкурсам бегать! Что это за профессия — танцульки?! Сколько бы она протанцевала?! А ты, как отец, хоть раз поинтересовался ее жизнью? Теперь на меня все свалить пытаешься?!

— Пожалуйста, тише! В больнице нельзя шуметь!

— Разряд! Готовность три, два, один!

— Мамочка, больно...

— Папа, прости меня... Лучше бы я умерла, так больно...

— Это все твоя вина! Не поощрял бы ее глупые мечты о сцене, мы бы не поссорились!

От этого нестройного, давящего шума у Юши невыносимо заломило в висках. Сердце заходило в безумном ритме, словно после марафонского забега, дыхание то тонуло, то прерывалось.

"Слишком шумно. Слишком тяжело"

Заметив, что Оситари покачнулся, подбежавшая медсестра подхватила его под локоть:

— Доктор Оситари, вам плохо? Может, приляжете в ординаторской?

Он покачал головой. Силы были на исходе, но профессиональный долг удерживал его на ногах:

— Не нужно. Пригласи родителей Кёки Тоямы. Я должен лично объяснить им состояние дочери.

Однако репортеры оказались проворнее измученной родни. Стоило Юши показаться в холле, как его тут же окружила толпа журналистов со слепящими вспышками камер и направленными микрофонами:

— Доктор Оситари, как прошла операция? Ходят слухи, что вас прочат на место главного врача больницы. Не могли бы вы прокомментировать это назначение?

Конечно, судьба пострадавшей девочки их не волновала. Журналистам требовалась сенсация.

— Прошу вас, разойдитесь! Доктор Оситари дежурил трое суток и смертельно устал, он не дает интервью без предварительного согласования! — Медсестра отчаянно пыталась заслонить собой врача, сдерживая напор толпы.

Но пресса не собиралась отступать перед легкой добычей. Расталкивая персонал, нахальный корреспондент прорвался вперед, наводя объектив прямо на Юши:

— Доктор Оситари, всего пару слов! Буквально две минуты! Скажите, это правда, что...

Металлическая сетка микрофона едва не ткнулась Юши в губы.

Юши нахмурился, и от его привычной мягкой любезности не осталось и следа. Сквозь стекла очков он посмотрел холодно и колюче.

— Выведите их отсюда, — ледяным тоном приказал он подоспевшим охранникам.

Он отдал все силы за эти трое суток и сейчас едва держался на ногах. Все, чего он хотел — закончить разговор с родителями раненой девочки и наконец-то доползти до кровати в ординаторской. Но эти стервятники с камерами не знали жалости. В конце концов, он обычный человек, а не железный автомат!

— Доктор! Что с моей дочерью?! Она жива?! — к нему подбежала бледная, растрепанная женщина и мертвой хваткой вцепилась в его халат, больно сжав предплечье.

Оситари осторожно высвободил руку и заговорил, стараясь сохранять профессиональное спокойствие:

— Состояние стабильное. Девочка получила тяжелые термические ожоги, но ампутация голени и ушивание легкого прошли без осложнений. Раны обработаны. Однако впереди еще долгий период реабилитации и пластических операций. Сейчас для нее главное...

— Вы не имеете права! — яростный вопль репортера, которого охрана тащила к выходу, бесцеремонно перебил его слова. — Я журналист! У меня есть право на информацию! Вы не можете просто так выставить меня!

В душе Юши вскипела глухая злость. Нарастающая аритмия и так сводила с ума, а этот наглый крик окончательно вывел его из равновесия. Он медленно повернулся к буяну и процедил:

— Какая жалость. Боюсь, ваша журналистская карьера завершится прямо сегодня.

На его лице застыла вежливая маска, но он смотрел с опасным пренебрежением.

— Да что ты мне сделаешь?!

— Хм, действительно. Пожалуй, ничего особенного. Просто я лично знаком с вашим генеральным директором, — небрежно бросил Оситари.

Эти слова окончательно лишили репортера рассудка. Вырвавшись из рук охраны, он с искаженным от ярости лицом швырнул тяжелый микрофон прямо в Юши:

— Подавись, ублюдох зажавшийся!

Тяжелый пластиковый корпус летел прямо в перепуганную мать пациентки. Юши среагировал мгновенно: перехватив женщину за плечи, он резко увлек ее в сторону. Микрофон со свистом врезался в стену прямо у его уха и разлетелся на куски. Острый осколок прочертил глубокую царапину на правой щеке доктора. На бледной коже выступила тонкая полоска крови.

Даже не поморщившись, Оситари стер пальцем кровь и повернулся к медсестре:

— Срочно свяжись с руководством Телевидения Токио. И вызови полицию. Чтобы этого субъекта я в стенах клиники больше не видел.

Его голос звучал как острая сталь. Медсестра дрожащими пальцами набрала номер и протянула ему трубку. Юши потянулся за телефоном, но пальцы внезапно отказались повиноваться.

Грудь пронзила такая дикая, раздирающая боль, словно ребра сдавили раскаленные тиски. Воздух застрял в горле. Юши попытался опереться о стену, но ноги мгновенно обмякли и стали ватными. В глазах стремительно темнело. Он хотел крикнуть коллегам, чтобы несли реанимационный набор, но вместо слов из его груди вырвался лишь глухой хрип.

В следующее мгновение доктор Оситари рухнул навзничь на холодный линолеум под истошный крик медсестер.

— Доктор Оситари!..

— Скорее, носилки! Доктора Кавашиму сюда!

Голоса доносились словно сквозь толщу воды. Внезапно Юши ощутил странную, невесомую легкость. Открыв глаза, он обнаружил, что парит под потолком реанимационного зала. А внизу, на каталке, лежало его собственное тело, над которым отчаянно колдовал бледный как полотно Кавашима.

— Набор! Быстрее!

— Сто пятьдесят джоулей! Разряд!

— Двести! Разряд!

Юши опустил взгляд на свои руки. Пальцы постепенно истончались, на глазах становясь прозрачными. А реанимация внизу продолжалась, теряя всякий смысл.

"Не может быть... Господи, неужели я умер? Меня, первоклассного кардиохирурга, до смерти довел какой-то припадочный борзописец с микрофоном?!"

Оситари даже не успел толком разозлиться на иронию судьбы — пространство позади него вдруг разорвало ослепительное белое свечение. Неведомая сила втянула его в этот сияющий вихрь, и сознание погасло.

[Запуск Системы покорения красавцев]

[Загрузка сюжетной линии...]

[Авторизация завершена]

[Приветствуем пользователя. Я ваш системный проводник — Дунъюнь]

Юши Оситари резко распахнул глаза и рывком сел на кушетке, жадно, со свистом втягивая ртом воздух.

Кавашима, как раз набиравший мощность на приборе для очередного разряда, от неожиданности отшатнулся на полшага. Ему еще никогда не приходилось видеть, чтобы пациент после остановки сердца возвращался к жизни с такой поразительной бодростью.

Осторожно приблизившись, коллега тихо спросил:

— Доктор Оситари, вы меня слышите? Как себя чувствуете? Голова не кружится?

Юши медленно потер виски. В черепной коробке стучало, словно по ней били молотком.

"Неужели от усталости начались галлюцинации?"

"Ты не ослышался, — раздался прямо в его сознании ровный, лишенный эмоций голос. — Мое имя Дунъюнь, и теперь я привязан к твоей душе. Твое прежнее физическое тело действительно погибло от обширного инфаркта"

"Определенно, я просто еще не проснулся"

Оситари уже собрался было повалиться обратно на подушки и продолжить притворяться мертвым, как вдруг прямо перед его глазами вспыхнули алые системные символы, сопровождаемые требовательным, нарастающим звоном.

[Внимание!]

[Зафиксирован критический уровень очков жизни!]

[- Оставшееся время до окончательной смерти: 5 минут]

[- Срочное задание: найдите красавца ранга SSS и поцелуйте его]

[- Награда за выполнение: продление жизненного цикла]

<http://bllate.org/book/20429/2112184>